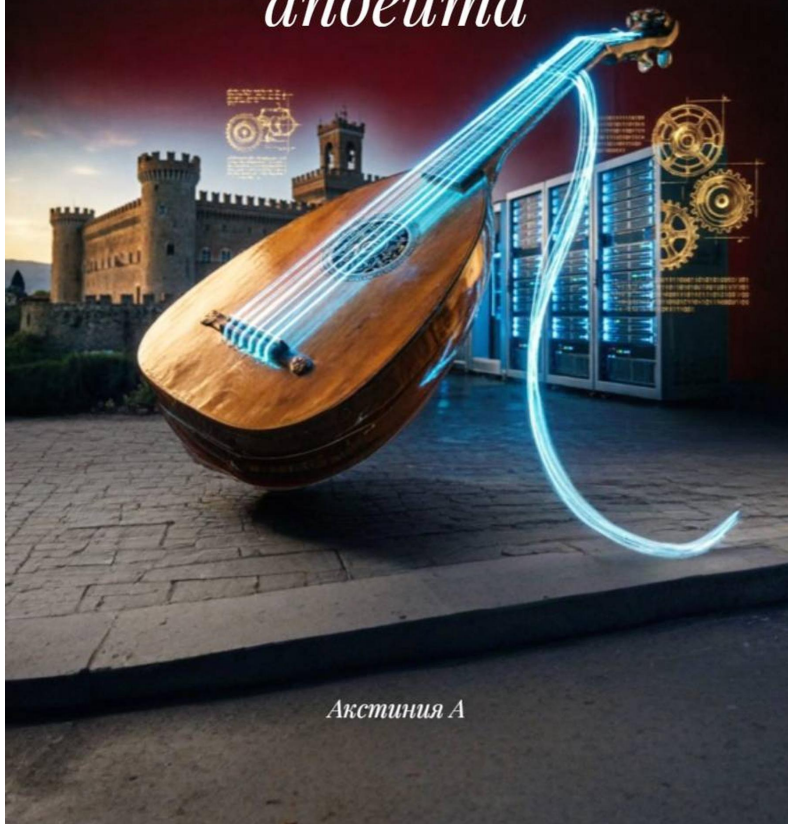

Код Ариосто: Ренессанс требует апдейта

Акстиния А

Акстиния А

Код Ариосто: Ренессанс требует апдейта

<https://litres.ru/74209362>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что будет, если скрестить «Код да Винчи» с «Кремниевой долиной», добавить щепотку аристократического снобизма и литр бальзамического уксуса?

Дом д'Эсте на грани разорения. Их замок хотят превратить в коворкинг для крипто-бро, а архив — пустить на NFT. Рейдер Лоренцо Сфорца уверен, что имеет дело с вымирающими динозаврами. Большая ошибка.

Альф, IT-гений, прячущийся в серверной среди инквизиторских пыток. Белла, королева пиара, уничтожающая врагов одним взглядом на их костюм. Люкс, художница, для которой хаос — искусство. И Тассо, архивариус, видящий матрицу в мраморе.

Им предстоит разгадать шифр поэта Ариосто. В их арсенале: винтажный Maserati, нейросети, оптоволоконные корсеты и фамильное упрямство. Ренессанс никуда не ушел. Он просто обновил прошивку!

Содержание

Глава 1. Наследники, стартапы и привидения в серверной	5
Глава 2. Ренессанс-вайб и кризис в TikTok	17
Глава 3. Алмазный фасад и паранойя с капучино	30
Глава 4. Подземелья, неон и поцелуи с привкусом ламбруско	42
Глава 5. Полифония, безумие и фальшивые ноты	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Акстиния А

**Код Ариосто: Ренессанс
требуется апдейта**

Эсте. Код Ариосто

Глава 1. Наследники, стартапы и привидения в серверной

Рассказчик: Альфонсо (Альф) д'Эсте

В этом мире есть только три вещи, которым я доверяю безоговорочно: идеально скомпилированный Python-скрипт, эспрессо из кофемашины La Marzocco, настроенной лично мной, и тот непреложный факт, что мои предки были абсолютно, клинически сумасшедшими.

Возьмем, к примеру, температуру. Восемнадцать градусов по Цельсию. Это идеальная, выверенная до десятых долей градуса температура для охлаждения стоек с серверами, на которых хранится оцифрованный архив дома Эсте за последние восемьсот лет. И, по счастливой (или издевательской) случайности, это ровно та температура, которая естественным образом держится в подземельях Кастелло-Эстенсе в середине июля.

Я поправил воротник худи из лимитированной коллекции Logo Piana, которое стоило как подержанный Fiat, и вытер каплю пота со лба. Кондиционер в третьей серверной снова сбоил.

— Ну давай, родной, — прошептал я, глядя на мигающий синим светодиодом корпус Dell PowerEdge. — Не умирай. Если ты упадешь, я потеряю три терабайта переписки Эрко-

ле I с папой Александром VI, а Белла меня убьет. Она уже запланировала на осень выставку «Борджиа и Эсте: Токсичные связи Ренессанса», и ей нужны сканы.

Сервер ответил мне ровным, успокаивающим гулом кулеров. Я выдохнул и огляделся.

Моя «офисная» территория представляла собой сюрреалистичный коктейль из Кремниевой долины и фильмов про инквизицию. Слева от меня тянулся ряд черных монолитов с вычислительными мощностями, способными симулировать рождение вселенной. Справа, вмонтированные в сырую кирпичную кладку четырнадцатого века, торчали ржавые железные кольца. Историческая справка гласила, что именно к ним привязывали должников, не сумевших вовремя оплатить налоги герцогу. Теперь к одному из колец я примотал изолентой роутер Wi-Fi 6, потому что толстые стены замка экранировали сигнал хуже бункера.

Я — Альфонсо д'Эсте. Тридцать два года. IT-архитектор, циник и, к своему глубокому сожалению, наследник одной из самых древних и пафосных династий Европы. Мои друзья из Стэнфорда сейчас пьют смузи из спиролины в Пало-Альто, разрабатывая нейросети для подбора носков. А я сижу в подвале фамильного замка во Ферраре и пытаюсь перевести в «цифру» легаси-код моей семьи.

Легаси-код у нас, впрочем, — это только половина работы. Вторая половина — это археология в чистом виде, только вместо кисточки и совочка у меня спектрометры и алго-

ритмы машинного зрения. Я оцифровываю всё подряд: приходно-расходные книги пятнадцатого века, где рядом с закупкой венецианского стекла аккуратным почерком записана «плата аптекарю за услугу, о которой лучше не спрашивать»; любовные письма, зашифрованные так, что современные криптографы заплакали бы; ноты, рецепты ядов и противоядий, планы фортификаций и списки гостей, половина которых не пережила ужин, ради которого их составляли.

Восемьсот лет непрерывной, маниакальной документации. Мои предки не доверяли памяти — память льстит и забывает. Они доверяли бумаге, камню и, как я подозревал всё сильнее с каждой бессонной ночью, чему-то ещё, что я пока не научился читать. Каждую ночь я заливал новые терабайты в облако и каждую ночь ловил себя на одной и той же неуютной мысли: я не сохраняю прошлое. Я его допрашиваю. И оно, кажется, начинает отвечать.

А легаси-код у нас, надо сказать, знатный. Кровосмешения, отравления, покровительство гениальным поэтам, которые потом сходили с ума и кусали своих покровителей, войны с Папой Римским за куски болота... Если бы история дома Эсте была программным обеспечением, мы бы давно словили «синий экран смерти». Но мы всё еще тут. Держимся на честном слове, бальзамическом уксусе и семейном упрямстве.

Мой смартфон, лежавший на столе рядом с пыльным фолиантом пятнадцатого века, злобно завибрировал. На экране

загорелось имя: *Белла* (*Не брать, будет выносить мозг*).

Я вздохнул и провел пальцем по экрану. — Альф, скажи мне, что ты не в своей пещере, — голос кухни Изабеллы звучал так, будто она одновременно пила просекко и отдавала приказы взводу спецназа. На фоне слышался гул голосов, звон бокалов и какая-то ненавязчивая лаунж-музыка. — Дедушка через десять минут выходит к гостям. Если тебя не будет наверху, он впишет тебя в завещание как «того парня, что чинит роутеры» и оставит тебе только ров с крокодилами.

— У нас нет крокодилов, Белла, — устало ответил я, начиная собираться. — Только пара очень старых и очень толстых карпов. — В твоём гардеробе нет крокодилов, Альф! А в рву могут быть метафорические крокодилы. В общем, бегом наверх. И ради всего святого, сними худи. Ты выглядишь как хакер, который собирается взломать Пентагон, а не как герцог, принимающий элиту Эмилии-Романьи.

Она сбросила вызов. Типичная Белла. Она у нас отвечает за «фронтенд» семьи: пиар, моду, светские рауты и создание иллюзии, что мы не просто кучка аристократов с пыльными титулами, а полноценный лайфстайл-бренд. Я же отвечаю за «бэкенд»: инфраструктуру, финансы, архивы и решение проблем, о которых не должны знать гляцевые журналы.

Я выдернул шнур зарядки, сунул телефон в карман и поплелся к винтовой лестнице.

Подъем на *piano nobile* (парадный этаж) — это всегда пу-

тешествоие во времени. С каждым шагом гул серверов стихал, уступая место скрипу моих лоферов по стертому веками камню. Воздух менялся: запах озона, горячей пыли и пластика сменялся ароматом старых гобеленов, воска и тяжелых, сладковатых духов.

Каждая ступень этой лестницы была отдельной геологической эпохой. Внизу — эпоха кремния: озон, статическое электричество, ровный белый шум серверов, который я слышал даже во сне. Посередине — эпоха камня: холод, сырость, немой упрёк четырнадцатого века, вбитый в каждый кирпич. А наверху меня всегда ждала эпоха плоти: духи, пот, амбиции, живые люди, которые улыбались друг другу, прикидывая, во сколько обойдётся ошибка соседа. Из всех трёх мне была понятна только первая. В серверной у любой проблемы есть лог, стек-трейс и причина. Наверху причины прятались за пять поколений обид, и никакой отладчик их не находил.

Когда я толкнул тяжелую дубовую дверь, ведущую в Зал Игр (Salone dei Giochi), меня накрыла волна шума и света.

Зал был великолепен, черт возьми. Я не мог этого отрицать, даже будучи закоренелым технарем. Высокие сводчатые потолки, фрески Доссо Досси, на которых мифологические существа резвились в цветах, которые уже не умеют делать современные пигменты. Сотни гостей, сверкающих бриллиантами и амбициями, перемещались по залу, как фигуры на очень дорогой шахматной доске.

Я быстро просканировал толпу, мой внутренний алгоритм

автоматически помечая объекты интереса.

Вон Тассо. Мой дядя Торквато, семейный архивариус. Он прятался за огромной кадкой с фикусом, нервно поправляя очки в роговой оправе и подозрительно косясь на официанта с подносом канапе. Тассо искренне верил, что масоны подмешивают в просекко сыворотку правды, чтобы вывести у нас секрет алхимического золота Эсте. Я мысленно послал ему луч поддержки.

А вон и моя жена. Лукреция. Люкс. Сердце, предательски сбившись с ритма, пропустило удар. Она стояла у окна, выходящего на ночной ров, и что-то горячо доказывала какому-то арт-критику. На ней было платье, которое иначе как «архитектурным безумием» назвать было нельзя: асимметричный крой, смесь необработанного шелка и, кажется, переработанных оптоволоконных кабелей, которые мягко светились изнутри при каждом ее движении. Она была хаосом, воплощенным в материи. Мой идеальный, выверенный мир всегда нуждался в ее энтропии.

Заметив меня, Люкс подмигнула и незаметно показала большой палец вверх. Я усмехнулся, наконец-то чувствуя, как напряжение начинает отступать.

Но расслабиться мне не дали.

Гул в зале начал стихать, словно кто-то плавно убавил громкость на главном пульте. Толпа расступилась, образуя живой коридор. К центру зала, к небольшому возвышению, медленно, но с пугающей для его восьмидесяти четырех лет

уверенностью, направлялся Патриарх. Эрколе д'Эсте.

Дедушка выглядел так, словно только что сошел с портрета Тициана, если бы Тициан рисовал босса мафии, который в свободное время читает Овидия в оригинале. Безупречный смокинг, седая борода клинышком, глаза — острые, темные, живые.

Он взял хрустальный бокал и слегка постучал по нему серебряной ложечкой. Звон был чистым и пронзительным.

— Дамы и господа. Друзья. И те, кто притворяется друзьями, пока не увидел наш годовой отчет, — начал Эрколе. Его голос, с легкой хрипотцой, легко перекрыл остатки шепота. Зал улыбнулся. Дедушка умел подать себя.

— Сегодня мне исполняется восемьдесят пять, — продолжил он, обводя взглядом зал. Его глаза на секунду задержались на мне, и я почувствовал себя так, будто мой код запустили в режиме строгой отладки. — Говорят, это возраст, когда человек должен смотреть на закат и вспоминать былое. Но дом Эсте никогда не отличался любовью к спокойным закатам. Мы предпочитаем рассветы. Особенно те, что сопровождаются запахом пороха и свежей типографской краски.

Я нахмурился. Это было не похоже на стандартный тост. Обычно он шутил про подагру и налоги.

— Как вы знаете, наше наследие — это не только камни этого замка и картины в галерее, — голос Эрколе стал жестче. — Это идея. Идея того, что красота и интеллект могут править миром. Но в последние годы... некоторые силы пы-

таются оспорить наше право на эту идею.

Зал замер. Даже Тассо перестал исследовать фикус на наличие жучков.

— Консорциум «Сфорца-Капитал», — дедушка произнес это название так, будто выплюнул косточку от оливки, — сделал нам предложение. Они хотят выкупить Кастелло-Эстенсе, наши земли и, что самое важное, наш семейный архив. Чтобы, цитирую их генерального директора, «токенизировать наследие, выпустить NFT на фрески и сделать из замка элитный коворкинг для крипто-инфлюенсеров».

По залу пробежал нервный смешок, но я не смеялся. Я знал, что такое «Сфорца-Капитал». Это агрессивный хедж-фонд, который скупает исторические активы по всей Европе, выжимает из них соки и выплевывает пустые оболочки. Их глава, Лоренцо Сфорца, был гением корпоративного рейдерства и человеком, у которого, по слухам, вместо души был алгоритм майнинга биткоинов.

— Они ссылаются на долги, на устаревшие земельные споры семнадцатого века и на то, что нынешнее поколение Эсте... скажем так, потеряло хватку, — Эрколе посмотрел прямо на меня, а затем перевел взгляд на Беллу, которая стояла неподалеку, побледнев и сжав бокал так, что побелели костяшки пальцев. — Они считают, что мы — история. Что мы — прошлое.

Патриарх сделал паузу, позволяя тишине стать почти осязаемой.

— Но они забыли одну вещь. Дом Эсте никогда не оставлял свои секреты на виду. Лодовико Ариосто, величайший поэт нашего двора, написал «Неистового Орланда» не просто как сказку о рыцарях. Это была карта. Шифр. Завещание, написанное октавами и спрятанное в самом воздухе Феррары и Модены.

Я почувствовал, как у меня холодеют кончики пальцев.
Нет. Только не это.

— Сегодня я объявляю о начале игры, — голос Эрколе зазвенел сталью. — Тот, кто найдет «Утраченные Куплеты», тот, кто разгадает код Ариосто, получит не только титул главы дома. Он получит юридический документ, подписанный еще в шестнадцатом веке, который делает наши земли суверенным трастом, неподвластным ни одной корпорации в мире. У вас есть время до осеннего равноденствия. Если вы проиграете... что ж. Надеюсь, вам понравится работать в корпорации.

Эрколе поднял бокал. — За игру, внуки. И да простит нас святой Ренессанс.

Он залпом выпил вино, развернулся и ушел, оставив за собой шлейф дорогого табака и абсолютного, звящего шока.

Зал взорвался. Люди бросились друг к другу, доставая телефоны, начиная шептаться, строить догадки. Белла уже набирала кого-то на телефоне, ее голос был ледяным: «Срочно собирай кризис-комитет. И найдите мне лучшего хакера

в Италии. Нет, мне не нужен взломщик банков, мне нужен тот, кто умеет взламывать историю!»

Тассо вынырнул из-за фикуса, подбежал ко мне и вцепился в рукав моего худи (которое я так и не снял, к ужасу Беллы). — Альф! Альфонсо! Ты слышал?! Сфорца! Они хотят забрать архив! Они сожгут рукописи Тассо, чтобы обогреть свои серверные! Мы должны спрятать фолианты в катакомбах! Я знал, я знал, что этот Лоренцо — масон!

— Тассо, дыши, — я мягко отцепил его пальцы. — Никто ничего не сожжет. Это просто... квест. Дедушка просто устроил нам квест.

Но внутри у меня все переворачивалось. Квест. Охота за сокровищами. В тридцать два года. Я планировал на следующий месяц релиз нового облачного хранилища, а не беготню по замкам с лупой и томом стихов в руках.

Мне нужен был воздух. И тишина.

Я выскользнул из Зала Игр и пошел по темной, плохо освещенной галерее, ведущей к восточному крылу замка. Здесь было тихо, только мои шаги эхом отдавались от мраморного пола. Стены были покрыты фресками, иллюстрирующими сцены из «Неистового Орланда».

Я остановился у огромного панно, изображающего Астольфа, летящего на Луну на гиппогрифе, чтобы вернуть рассудок Орланда. Краски были тусклыми, местами штукатурка осыпалась.

Я тяжело вздохнул, поднял левую руку и посмотрел на

свои умные часы. Пульс — сто десять. Давление повышено. Стресс-индекс зашкаливает. — Ну и денек, — пробормотал я. — Дедушка спятил, Сфорца хотят сделать из нас стартап, а мне придется играть в Индиану Джонса.

Я хотел было опустить руку, но экран часов внезапно мигнул. Цифры сбились, превратившись в набор странных символов. Я нахмурился. Такого никогда не было. Я достал из кармана свой смартфон — кастомный прототип с улучшенным LiDAR-сканером, который я собрал для себя, чтобы тестировать новые алгоритмы пространственного картирования.

Направил камеру на фреску. Приложение открылось, начав строить 3D-модель стены. И вдруг на экране, поверх изображения Астольфа и гиппогрифа, начала проявляться совершенно другая геометрия. Сканер уловил микроскопические перепады плотности штукатурки. *Пентименти* — скрытые нижние слои живописи, которые художник записал сверху. Но это были не просто мазки кисти.

Это были линии. Идеально ровные, математически выверенные линии, складывающиеся в сложный геометрический узор. Концентрические круги, пересекающиеся под углами, кратными числу Фи. Золотое сечение, вплетенное в кирпичную кладку.

Я замер, чувствуя, как по спине пробегает холодок, не имеющий ничего общего с температурой в серверной.

Я приблизил телефон. В самом центре узора, там, где на

фреске был нарисован глаз гиппогрифа, сканер выделил крошечный, почти невидимый невооруженным глазом квадрат. Внутри него была последовательность из латинских букв и цифр, стилизованных под вязь шестнадцатого века.

Но мой мозг, мозг архитектора баз данных, мгновенно распознал в этой вязи структуру. Это был не просто текст. Это был хэш. SHA-256, замаскированный под ренессансную каллиграфию.

Ариосто не просто писал стихи. Он писал код. И он оставил его здесь, в надежде на то, что однажды кто-то с правильным «софтом» в голове придет и считает его.

Я опустил телефон. В галерее было по-прежнему тихо, но теперь эта тишина казалась наэлектризованной. Воздух пах не просто старой пылью. Он пах тайной, которая ждала пятьсот лет.

— Ну хорошо, Лодовико, — тихо сказал я в пустоту, и на моем лице, вопреки всему цинизму, медленно расплзлась ухмылка. — Давай посмотрим, что у тебя за легаси-код. Надеюсь, ты оставил документацию.

Я развернулся и пошел обратно, к свету, шуму и паникующей семье. Игра началась. И, черт возьми, кажется, я собирался ее выиграть.

Глава 2. Ренессанс- вайб и кризис в TikTok

Рассказчик: Изабелла (Белла) д'Эсте

Есть три стадии принятия неизбежного в мире высокого пиара. Первая — отрицание: «Этого не может быть, потому что мой ассистент подписал NDA под угрозой расстрела». Вторая — гнев: «Я уничтожу их репутацию, выкуплю их стартап и увольню их хомяка». И третья — холодная, кристально ясная стратегия: «Так, какой у нас бюджет на подкуп журналистов и сколько стоит silence-fee для свидетелей?»

Сейчас я балансировала между второй и третьей стадией, сидя за угловым столиком на летней веранде *Caffè della Luna*, что выходит прямо на площадь перед Феррарским собором. Мой смартфон, лежавший на мраморной столешнице рядом с чашкой ристретто, вибрировал с такой частотой, что грозил треснуть и уползти в пепельницу, как механический жук.

Люди думают, что пиар — это про красивые картинки. Наивные. Пиар — это про контроль над нарративом, а нарратив в наше время формируется за первые сорок минут после события, пока факты ещё тёплые и податливые, как воск. Кто первым назовёт вещь — тот ею и владеет. Сфорца назвал нас «банкротами». Я должна была переименовать нас быстрее, чем это слово успеет застыть.

Я управляла восприятием восьмисот лет истории так же, как хирург управляет скальпелем: миллиметр в сторону — и вместо спасённой репутации у тебя труп на первой полосе. И, в отличие от Альфа с его резервными копиями, у меня не было кнопки «откатить». Слово, однажды выпущенное в мир, не отзывается. Его можно только перекричать более красивым словом.

На экране загоралось имя: *Франческа (Vogue Italia)*. Я сбросила вызов. Экран тут же вспыхнул снова: *Франческа (Vogue Italia)* — **СРОЧНО**. Я вздохнула, поправила идеально уложенную прядь волос (укладка «нарочитая небрежность», на которую мой стилист потратил два часа и полбаллона лака, чтобы она выглядела так, будто я только что сошла с яхты в Портофино, хотя я просто вышла из кондиционированного Maybach) и провела пальцем по экрану.

— Белла, дорогая, скажи мне, что это фейк, — голос Франчески звучал так, будто она одновременно курила тонкую сигарету и пила валерьянку. — Мой отдел новостей сходит с ума. Какой-то тиктокер только что выложил видео из вашего Зала Игр. Дедушка, сокровища, Сфорца... Хэштег #EsteHunt уже в трендах по всей Италии. Вы правда превращаете замок в квест-комнату?

Я закрыла глаза. *Тиктокер*. Конечно. В нашем семействе всегда найдется троюродный племянник, который не понял серьезности момента и решил, что дедушкина речь — это повод для липсинка под какой-нибудь трендовый звук.

— Франческа, милая, — произнесла я голосом, в котором было столько же льда, сколько в бокале шампанского, который мне сейчас был жизненно необходим. — Никакой квест-комнаты. Это... иммерсивный исторический перформанс. Стратегическая актуализация наследия. Мы запускаем глобальную кампанию по вовлечению аудитории в культурный код Эмили-Романы. Дедушка просто... дал старт промо-периоду.

— Белла, — Франческа тяжело вздохнула, и я услышала, как она тушит сигарету. — Лоренцо Сфорца уже дал комментарий *Il Sole 24 Ore*. Он сказал, что ваш «перформанс» — это отчаянная попытка скрыть банкротство, и что «Сфорца-Капитал» готов выкупить ваши долги, чтобы спасти фрески от «диктатуры некомпетентных наследников». Акции вашего холдинга упали на четыре процента за утро.

Четыре процента. Четыре. Процента. Я почувствовала, как внутри меня натягивается струна, готовая лопнуть. Для обывателя четыре процента — это просто цифра. Для меня, Изабеллы д'Эсте, это означало, что кто-то прямо сейчас усомнился в безупречности моего бренда. А дом Эсте — это был *мой* бренд.

— Сфорца — это fast-fashion от мира венчурного капитала, Франческа, — отчеканила я, стараясь, чтобы мой голос не дрогнул. — Они скупают историю, чтобы нарезать ее на NFT и продать крипто-бро. Мы не продаем. Мы переупаковываем. Дай мне два часа. Я пришлю тебе эксклюзивный

пресс-релиз и концепт-арт. И умоляю, не ставь на обложку Сфорцу. У него костюмы от Brioni, но сидят они на нем как на вешалке из Икеи. Это преступление против моды, а не только против финансов.

Франческа хмыкнула, но я знала, что победила. Эстетический аргумент для редактора Vogue всегда бил финансовый. — Жду релиз, Белла. И береги дедушку.

Я отключила связь и откинулась на спинку плетеного стула. Солнце Феррары было безжалостным. Оно отражалось от розового мрамора собора и било прямо в глаза, заставляя щуриться даже сквозь мои винтажные очки Celine.

Феррара. Город велосипедов, туманов и призраков. Я любила этот город до боли в сердце, но ненавидела его инфраструктуру. Здесь невозможно было пройти по улице, чтобы тебе в спину не въехал студент на скрипучем «Грация», увлеченно листая ленту Инстаграма. Здесь не было гламура Милана или хаотичной страсти Рима. Здесь была тяжесть веков. Каждый кирпич этого города помнил, как Лукреция Борджиа пила вино, а Тассо сходил с ума.

Я любила Феррару той тяжёлой, безнадёжной любовью, какой любят родину и старые раны. Этот город не притворялся модным. Он не заискивал перед туристами, как Флоренция, и не позировал, как Венеция. Он просто стоял в своих туманах, окружённый идеально прямыми ренессансными улицами — первый в Европе город, спроектированный по плану, а не выросший, как гриб, — и молча ждал, пока мы

все умрём, чтобы пережить и нас тоже.

Бьяджо Россетти начертил этот город линейкой и циркулем, как программист чертит архитектуру системы. Прямые проспекты, выверенные перспективы, дворцы, поставленные в точках золотого сечения. Феррара была первым в истории кодом, написанным в камне для того, чтобы работать вечно. И вот теперь пришёл человек в плохо сшитом костюме, чтобы форкнуть наш репозиторий и выкатить своё уродливое обновление.

И теперь какой-то выскочка в дешевом костюме хочет прийти и повесить на ворота Каstellо-Эстенсе табличку «Коворкинг. Есть вай-фай и капучино на овсяном молоке».

Надо мной нависла тень. Я подняла глаза, ожидая увидеть официанта, но вместо этого увидела вспышку. *Щелк.*

Папарацци. Откуда они так быстро пронюхали? Я не вздрогнула. Я даже не изменила выражения лица. Вместо этого я медленно, с грацией пантеры, потянулась к своей чашке, подняла ее и сделала глоток, слегка наклонив голову, чтобы свет упал на скулы. Пусть снимают. Изабелла д'Эсте никогда не выглядит застигнутой врасплох. Изабелла д'Эсте всегда позирует, даже когда пьет воду.

— Ээй! *Bella! Bella!* Правда ли, что вы закладываете фамильные драгоценности? — крикнул мужчина с телеобъективом, прячась за урной.

Я опустила чашку и посмотрела на него с таким искренним, сочувствующим сожалением, что он даже опустил ка-

меру. — Марио, — произнесла я тихо, но так, что он меня услышал. — Ты снова носишь эти ужасные кроссовки с неоновыми шнурками. Мы же говорили, что флуоресцентный желтый полнит и удешевляет образ. Иди домой, переоденься, а потом приходи фотографировать мой выход из офиса. Сейчас у меня перерыв на кофе, и ты портишь мне кадр.

Марио смутился, пробормотал извинение и ретировался. Оружие массового поражения в виде стилистического осуждения снова сработало безотказно.

Но облегчение длилось недолго. Мой телефон пиликнул. Сообщение от Альфа. Альф: *«Нашел аномалию на фреске Астольфа. Это хэш. Ариосто писал код. Мне нужно время на дешифровку. Держи прессу, я в серверной.»*

Я усмехнулась. Мой дорогой, гениальный, совершенно не приспособленный к жизни кузен. Он нашел код, спрятанный пятьсот лет назад, но не мог найти способ отключить уведомления в Telegram. Я: *«Держу. Но если ты не поторопишься, Сфорца купит замок и сделает из серверной вейп-шоп. Вылезай из подвала, нам нужен план.»*

И тут на веранду ворвалась она. Лукреция. Люкс. Моя невестка, моя головная боль и, пожалуй, единственный человек в этом городе, который пугал меня больше, чем падение акций.

Она не вошла — она *случилась*. Люкс была одета в объемный тренч из переработанного парашютного шелка цвета «вырвиглаз», под которым виднелся корсет, сплетенный

из оптоволоконных кабелей. На ногах — ботинки на огромной платформе, которые, казалось, издавали звук заряжающегося лазера при каждом шаге. Ее волосы были небрежно собраны в пучок с помощью двух настоящих, покрытых позолотой, китайских палочек для еды. От нее пахло дорогим нишевым парфюмом с нотами уда, кожи и... скипидара.

Она рухнула на стул напротив меня, смахнув со стола сахарницу и чуть не опрокинув мой ристретто.

— Белла! — выдохнула она, ее глаза горели безумным огнем художника, которому только что явилась муза, или маньяка, придумавшего новый способ расчленения. — Я видела тикток! Это было ужасно. Свет выставлен отвратительно, а монтаж — просто преступление против ритма. Но это не главное!

— Люкс, дорогая, — я аккуратно отодвинула от нее свою чашку. — У меня сейчас голова болит от слова «тикток». Если ты пришла предложить мне снять танцевальный челлендж на фоне гобеленов, чтобы перебить хайп Сфорца, я буду вынуждена попросить охрану вывести тебя.

— Танцевальный челлендж? Фи, Белла, ты мыслишь как менеджер среднего звена, — Люкс махнула рукой, и официант, словно по волшебству, тут же материализовался рядом. — Мне эспresso. Двойной. И капните туда три капли граппы. Нет, четыре. Мне нужно расширить сознание.

Официант кивнул и исчез. Люкс подалась вперед, ее оптоволоконный корсет тихо засветился мягким синим светом.

— Сфорца уже в городе, — прошептала она, и в ее голосе впервые за утро прозвучала серьезность. — Мои ребята из арт-подполья засекли их. Лоренцо прислал сюда свою «группу быстрого реагирования». Три молодых аналитика, два хакера и один юрист. Они сняли весь этаж в *Hotel Duchessa*.

Я нахмурилась. *Hotel Duchessa* находился всего в двух кварталах отсюда. Они были под самым носом. — И что они делают? — Они сидят в лобби с ноутбуками и пытаются взломать наш внутренний периметр, пока их босс дает интервью по телефону, — Люкс усмехнулась, и эта усмешка была хищной. — Они думают, что мы — старые аристократы, которые умеют только пить вино и жаловаться на радикулит. Они думают, что мы играем по правилам этикета.

— Мы *есть* старые аристократы, Люкс. И этикет — это то, что отличает нас от варваров, — парировала я, хотя внутри меня что-то неприятно сжалось.

— Этикет — это щит, Белла. Но иногда нужно взять меч, — Люкс достала из кармана тренча планшет и швырнула его на стол. На экране была схема лобби отеля. — Я предлагаю перформанс.

Я подняла бровь. — Перформанс. — Да! Слушай. Завтра в Палаццо-деи-Диаманти открывается выставка современного искусства. Куратор — мой друг, он должен мне услугу. Сфорца и его свита обязательно там появятся, чтобы показать, какие они ценители прекрасного и как сильно они «уважают местную культуру» перед тем, как отжать её.

Люкс начала быстро рисовать пальцем по экрану, оставляя неоновые линии. — Я организую флешмоб. Двадцать человек в костюмах чумных докторов шестнадцатого века. Мы заполним внутренний двор дворца. Но это не просто танцы, Белла. В маски и посохи докторов будут вшиты направленные глушилки сигнала и NFC-клонеры.

Я смотрела на нее, пытаюсь уловить связь между чумными докторами и корпоративным шпионажем. — Люкс, объясни мне это так, будто мне пять лет и я только что выпила валерьянки.

— Когда «доктора» окружают аналитиков Сфорца, глушилки создадут локальную мертвую зону. Их телефоны отключатся от сотовой сети. В панике они автоматически переключатся на открытый Wi-Fi дворца, чтобы не потерять связь с боссом. А Альф... ну, Альф же у нас гений, верно? Он уже взломал роутеры Палаццо. Как только они подключатся, Альф скачает всё, что у них в облаке. Пароли, переписки, финансовые модели. Мы узнаем, откуда Сфорца берет деньги и какие скелеты у него в шкафу.

Я замерла. Ветерок, дувший с площади, шевельнул листья фикуса в кадке. Звучало... безумно. Это было нарушением десятков законов о конфиденциальности. Это было грязно. Это было абсолютно не в стиле дома Эсте. Моя бабушка, герцогиня, которая до сих пор писала письма перьевой ручкой, умерла бы от инфаркта, услышь она такой план. *Д'Эсте не воруют данные, Изабелла. Д'Эсте наследуют их.*

— Люкс, — начала я медленно, подбирая слова. — Мы не можем устроить кибератаку под видом театра абсурда. Если нас поймают, Сфорца засудит нас на миллиарды. А если не поймают, но кто-то снимет это и выложит в сеть... мы станем посмешищем. «Богатые наследники играют в хакеров». Это убьет мой бренд. Мой бренд — это элегантность, Люкс. Это недосыгаемость.

Люкс закатила глаза и отпила принесенный эспрессо, поморщившись от горечи и граппы. — Белла, очнись! Твой бренд — это иллюзия. Ты думаешь, Изабелла д'Эсте, твоя тетка и прапрабабушка в пятнадцатом колене, была просто красивой дамой в бархате? Она была первым инфлюенсером в истории! Она рассылала своих портных по всей Европе, чтобы диктовать моду. Она писала письма папе Римскому, шантажируя его сплетнями. Она использовала искусство как оружие. Если бы у нее был Тикток, она бы уже сняла дуэт с Макиавелли и уничтожила бы Борджиа одним постом!

Ее слова ударили меня куда-то под ребра. Я посмотрела на фасад собора. На барельефы, на которых святые и мученики застыли в вечном камне. Мы всегда думали о Ренессансе как о времени высокой поэзии и утонченных манер. Но мы забывали, что за каждым шедевром стояли кинжалы, яд, шпионаж и безжалостная борьба за выживание. Ариосто и Тассо писали свои поэмы не только для красоты. Они кодировали в них политические манифесты, потому что за прямое слово им отрубили бы головы.

Элегантность — это не отсутствие грязи. Элегантность — это умение подать грязь так, чтобы все подумали, что это черная икра.

Я достала из сумочки компактное зеркало и помаду. Медленно, с хирургической точностью, я подправила контур губ. Идеальный красный. Цвет крови, цвет власти, цвет кардинальской мантии.

— Чумные доктора — это пошло, — сказала я, захлопывая зеркало. — И слишком театрально. Сфорца параноик, он сразу заподозрит неладное, если вокруг него начнут прыгать люди в масках с клювами.

Люкс нахмурилась, ее творческое эго было слегка задето. — И что ты предлагаешь? Отправить им букет увядших роз?

— Нет, — я улыбнулась, и эта улыбка была такой же острой, как грани Палаццо-деи-Диаманти. — Мы используем то, чего они от нас ждут. Они ждут аристократов. Они ждут, что мы будем высокомерными, скучными и предсказуемыми. Завтра в Палаццо-деи-Диаманти будет закрытый прием для меценатов. Сфорца там будет. Мы не будем устраивать флешмоб. Мы устроим... лекцию.

— Лекцию? — Люкс посмотрела на меня как на сумасшедшую.

— Да. Я лично проведу экскурсию по истории алмазного фасада. Я буду стоять в пяти метрах от его аналитиков и рассказывать о символике камня. А ты... — я посмотрела на ее оптоволоконный корсет. — Ты оденешься как моя ас-

систентка. Строгий черный костюм, никаких неоновых лампочек. И в твой планшет мы встроим направленный сканер. Пока я буду отвлекать их высокопарной чушью о неоплатонизме, ты пройдешь мимо них с подносом канапе. Сканер считает данные с их телефонов через Bluetooth за три секунды. Никаких глушилок. Никаких чумных докторов. Чистый, элегантный, аристократический шпионаж.

Люкс медленно расплылась в улыбке. В ее глазах зажегся огонек искреннего восхищения. — Белла... ты просто монстр. Злой, красивый, одетый от Русси монстр. Мне это нравится.

— Я не монстр, Люкс. Я — куратор своего наследия, — я допила остывший ристретто. Горечь на языке теперь казалась приятной, мобилизующей. — Альф сможет перехватить данные, если мы скинем их ему через защищенный канал?

— Альф перехватит их еще до того, как я донесу поднос с канапе до мусорного бака, — фыркнула Люкс, доставая свой телефон и начиная строчить сообщение. — Я скажу ему, чтобы он готовил сервера.

Я кивнула, глядя на площадь. Туристы кормили голубей. Велосипедисты звенели звонками. Мир казался спокойным и обыденным. Но я знала, что под этой брусчаткой, в этих стенах, в наших венах кипит совсем другая жизнь.

Сфорца думал, что он играет в шахматы с кучкой вымирающих динозавров. Он не понимал одного: динозавры вымерли, потому что не умели адаптироваться. А дом Эсте пе-

режил чуму, инквизицию, две мировые войны и изобретение интернета. Мы не динозавры. Мы — крокодилы. И мы только что проснулись.

— Люкс, — окликнула я невестку, когда она уже собиралась встать. — Да? — Костюм для завтра. Строгий, но не скучный. Пусть это будет Yohji Yamamoto. И, ради бога, смой скипидар с шеи. Мы идем на войну, а не в гараж.

Люкс рассмеялась, звонко и радостно, и этот смех, казалось, разогнал остатки утренней паники. — Есть, мой герцог, — она салютовала мне воображаемой шпагой и, развернувшись, зашагала прочь, ее парашютный шелк развевался на ветру, как знамя.

Я осталась сидеть одна. Достала телефон и открыла заметки. *План Б: Операция «Неоплатонизм»*. Мои пальцы быстро забегали по экрану. Страх ушел. Остался только азарт. Чистый, концентрированный адреналин, смешанный с запахом дорогого кофе и вековой пыли.

Ренессанс никуда не ушел. Он просто обновил прошивку. И, черт возьми, я собиралась стать его лучшим апдейтом.

Глава 3. Алмазный фасад и паранойя с капучино

Рассказчик: Торквато (Тассо) Тасси

Восемь тысяч пятьсот.

Именно столько мраморных блоков покрывают фасад Палаццо-деи-Диаманти. Восемь тысяч пятьсот пирамидальных выступов, выточенных из веронского мрамора, которые ловят свет Эмилии-Романьи и дробят его на миллионы микро-бликов. Обычный турист видит просто красивый дворец эпохи Возрождения. Искусствовед видит триумф руста (рустованной кладки) и гениальность Бьяджо Россетти.

А я, Торквато Тасси, семейный архивариус и человек, которого родственники за глаза считают безобидным городским сумасшедшим, вижу матрицу.

Я сидел за столиком уличного кафе *Caffè dell'Arte*, расположенного ровно напротив дворца, и смотрел на фасад через ювелирную лупу, вмонтированную в мою старую роговую оправу. Солнце стояло в зените, и тени внутри мраморных «алмазов» стали резкими, почти черными.

— Восемь тысяч пятьсот, — пробормотал я, делая пометку в своем потертом кожаном блокноте. — Но если учесть угол скоса на северо-восточном углу... это не просто декор. Это физический носитель информации.

Официант поставил перед мной чашку капучино. Я опустил лупу и с тоской посмотрел на пенку. Бариста, парень с татуировкой компаса на предплечье и полным отсутствием понимания сути бытия, нарисовал на пенке листок папоротника.

Я тяжело вздохнул. Это была трагедия. Истинная, идеальная *crema* эспresso, смешанная с шелковистым молоком, должна быть однородной, цвета мокрого песка. Она должна хранить тепло и аромат. А эти современные «художники» взрывают структуру пены, окисляют ее, рисуют на ней картинки, которые исчезают через тридцать секунд. Латте-арт — это идеальная метафора современного общества: красиво, бессмысленно и мгновенно забывается. Мы разучились читать символы, зашитые в камне, зато научились рисовать сердечки на молоке.

Впрочем, дело было не в кофе. Дело было в способе смотреть. Современный человек разучился читать медленные знаки. Ему нужно, чтобы смысл вспыхнул на экране за полторы секунды, иначе большой палец пролистнёт дальше. А ведь настоящее сообщение всегда прячется в медленном. В том, что требует терпения. Собор строили сто двадцать лет — и каждая горгулья на его водостоке несёт в себе зашифрованный богословский спор, который теперь никто не потрудится расшифровать.

Я всю жизнь читал медленные знаки. Трещину в штукатурке, которая на самом деле — граница между двумя эпо-

хами. Клеймо на изнанке переплёта, которое рассказывает, чьи руки держали книгу до тебя. Мои родственники называли это паранойей. Я называл это единственно честным способом смотреть на мир, в котором всё важное написано мелким шрифтом и между строк.

Я аккуратно размешал папоротник ложечкой, разрушая его до состояния бесформенной массы, и сделал глоток. Кофе был хорош. Горький, с нотками шоколада и табака.

Мой взгляд снова вернулся к Палаццо. Дедушка Эрколе был прав. Ариосто не мог доверить тайну дома Эсте бумаге — бумага горит, бумагу едят мыши, бумагу крадут. Но камень? Камень стоит веками. Что, если вариации в размере каждого мраморного «алмаза» — это не погрешность резчика шестнадцатого века, а двоичный код? Длинный блок — единица, короткий — ноль. Или, что еще вероятнее, это нотная запись. Полифония, застывшая в мраморе. Мне нужно было лишь перевести углы скоса в частоты...

Мои размышления о музыкальной архитектуре были прерваны появлением двух мужчин.

Они вышли из черного седана, припаркованного у обочины, и направились к дворцу. На первый взгляд, ничего подозрительного. Туристы, бизнесмены, может быть, оценщики недвижимости. Но мой внутренний радар, отточенный десятилетиями изучения инквизиционных архивов и параноидальным чтением теорий заговора, взвыл, как сирена воздушной тревоги.

Во-первых, их костюмы. Темно-синие, приталенные, явно сшитые на заказ. Но они носили их не так, как носят итальянцы. Итальянец носит костюм как вторую кожу, небрежно, позволяя ткани жить. Эти двое носили свои пиджаки как броню. Слишком прямые спины. Слишком синхронные шаги.

Во-вторых, они не смотрели на дворец.

Они смотрели на камеры видеонаблюдения, установленные на углах здания, и на люки канализации на площади. Один из них достал смартфон и начал не фотографировать фасад, а сканировать пространство, вероятно, перехватывая MAC-адреса всех устройств в радиусе пятидесяти метров.

«Сфорца-Капитал», — мелькнуло у меня в голове. Корпоративные инквизиторы.

В эпоху Возрождения, если кто-то хотел тебя убить или украсть твои секреты, он нанимал человека с кинжалом или подсыпал кантареллин в вино. В этом была хотя бы эстетика, личная храбрость! Теперь же эти безликие корпоративные наемники используют алгоритмы, дроны и юридические лазейки. В них нет души. В них нет страсти. Они хотят превратить наш дворец в коворкинг... Я содрогнулся от одной только мысли. Представьте: хипстеры в худи пьют матча-латте там, где герцог Альфонсо I обсуждал с Тицианом палитру для «Вакха и Ариадны»! Это кошунство. Это хуже, чем разгром Рима варварами.

Я спокойно, не выдавая своего волнения, закрыл блокнот.

Сунул его во внутренний карман твидового пиджака, который пах нафталином и старой бумагой. Достал из кармана брюков телефон и отправил Альфонсо зашифрованное сообщение в нашем приватном канале: *«У Диамантов волки. Две особи. Сканируют периметр. Я ухожу в подполье. Береги сервера.»*

Альф, скорее всего, сейчас закатит глаза и скажет, что я опять начитался шпионских романов. Но Альф не чувствует камня. Он не слышит, как шепчут стены.

Я бросил на стол пятиевровую монету, не дожидаясь сдачи, и встал.

Мой «конь» ждал меня у фонарного столба. Это был винтажный велосипед Bianchi 1974 года выпуска, цвета «челесте» (небесно-бирюзовый). Я назвал его Лукреция, в честь Борджиа, потому что он был невероятно красив, капризен и имел склонность ломаться в самые неподходящие моменты.

Я разговаривал с вещами. Не потому, что сошёл с ума — по крайней мере, не только поэтому, — а потому, что вещи, в отличие от людей, не лгут. Велосипед честно скрипел, когда я забывал его смазать. Инкунабула честно рассыпалась, если её держали слишком грубыми пальцами. Астролябия честно показывала небо, каким оно было пятьсот лет назад. В мире, где генеральные директора хедж-фондов улыбаются тебе, подсчитывая, во сколько обойдётся твоё исчезновение, честность старой латуни и мореного дуба стоила дороже любых заверений.

Я перекинул ногу через раму и плавно выехал на площадь, стараясь не смотреть в сторону мужчин в костюмах. Но периферийным зрением я заметил, как один из них резко повернул голову в мою сторону. Он что-то сказал второму, и тот тут же потянулся к наушнику в ухе.

Они знают, кто я. Конечно, знают. У них есть досье на каждого члена семьи. Торквато Тасси, 45 лет, холост, склонен к меланхолии, хранитель архива. Для них я — слабое звено. Человек, которого можно легко запугать или «случайно» столкнуть с лестницы в архиве.

Я прибавил ходу, свернув на Виа дельи Анджели, самую элегантную улицу Феррары. Ветер ударил мне в лицо, принося запах разогретого асфальта и цветущих олеандров. Но идиллия длилась недолго.

Позади раздался тихий, но противный звук. *Вжжжжжжжж.* Звук, который природа не создавала. Звук механического комара. Звук эпохи, потерявшей связь с землей.

Я оглянулся. Мужчины в костюмах не стали бежать. Они совершили куда более страшное преступление против человечества: они арендовали два электрических самоката. Зеленые, с логотипом какого-то стартапа, они неслись по тротуару, их электромоторы мерзко выл на высоких оборотах.

— Варвары! — крикнул я сквозь свист ветра в ушах. — Вы едете по брусчатке, которая помнит копыта коней кардинала Ипполито!

Они не оценили исторической справки. Один из них, тот,

что был покрупнее, начал сокращать дистанцию. Самокаты — это зло. Они тихие, быстрые и управляются людьми, которые не удосужились прочитать правила дорожного движения.

Мой Bianchi тяжело вздохнул, когда я переключился на пониженную передачу, чтобы свернуть в лабиринт средневековых улочек. Феррара — город плоский, но ее исторический центр — это паутина узких переулков, арок и тупиков. Здесь не пройдет машина. Здесь даже самокату будет тошно.

Я нырнул под арку Виа делле Волт (Улица Арок). Над головой нависли древние своды, соединяющие дома, создавая непрерывный тенистый тоннель. Свет сюда почти не проникал. Воздух стал прохладным, пахнувшим сыростью и вековой пылью.

Вжжжжжжж!

Они свернули за мной. Крупный агент был уже в десяти метрах. Я видел в зеркало заднего вида его лицо — абсолютно пустое, лишенное каких-либо эмоций, кроме корпоративной целеустремленности. Он даже не потел! В этих их синтетических костюмах с климат-контролем!

— Остановитесь, синьор Тасси! — крикнул он. Голос был ровным, поставленным, как у диктора, читающего условия пользовательского соглашения. — Нам просто нужно поговорить о вашем архиве! Мы предлагаем очень выгодные условия оцифровки!

— Мой архив не продается тем, кто не отличает Данте от

Dante Alighieri! — прокричал я в ответ, вставая на педали.

Мои легкие горели. Мне сорок пять лет, и моя максимальная физическая нагрузка за последние годы — это подъем по стремянке к верхней полке с инкунабулами. Но сейчас во мне проснулся дух моего тезки, великого Торквато Тассо. Того самого, которого герцог запер в больнице для умалишенных за то, что он был слишком гениален и слишком подозрителен. Тассо сходил с ума от страха, что его отравят. Я сейчас сходил с ума от страха, что меня собьет парень на самокате за то, что я знаю слишком много.

Впереди показался поворот. Я знал этот город лучше, чем свои собственные ладони. Я знал каждый камень, каждый сток, каждую трещину.

Я резко вывернул руль влево, ныряя в щель между двумя палаццо. Это был *Vicolo del Traditore* (Переулок Предателя). Официально его не было ни на одной современной карте. Он появился во времена соляных войн, когда контрабандисты таскали мешки с солью, чтобы избежать папских налогов.

Переулок был вымощен не гладким камнем, а крупной, необработанной галькой, перемежающейся глубокими колеями от колес средневековых телег.

Для тонких, накачанных до звона шин моего Bianchi это было испытанием, но для крошечных, жестких колесиков прокатных самокатов это была смертельная ловушка.

Позади раздался грохот, звук ломающегося пластика и отборный корпоративный мат.

Я оглянулся. Крупный агент наехал на глубокую колею, его самокат вильнул, и он, нелепо размахивая руками, вылетел в кучу мусорных баков. Второй агент успел затормозить, но его самокат застрял колесом в щели между булыжниками. Мотор взвыл, запахло паленой проводкой.

Я не стал останавливаться, чтобы насладиться триумфом. Я проехал до конца переулка, где в тени разросшегося плюща скрывалась тяжелая дубовая дверь, окованная ржавым железом. Дверь вела в старые подвалы монастыря, который давно был переделан в частные склады. У меня был ключ — семейная реликвия, переданная мне еще моим дедом вместе с должностью архивариуса.

Я соскочил с велосипеда, вставил тяжелый железный ключ в скважину. Замок сопротивлялся, но поддался с удовлетворительным щелчком. Я вкатил Лукрецию внутрь, в прохладную темноту, и захлопнул дверь за собой, задвинув массивный деревянный засов.

Снаружи слышались запыхавшиеся шаги и удары в дерево. — Синьор Тасси! Откройте! Это незаконное проникновение! — кричал второй агент.

Я прислонился спиной к холодной двери, сполз по ней на пол и рассмеялся. Тихо, с хрипотцой. — Незаконное проникновение? — прошептал я в темноту. — Мой друг, эта дверь была установлена в 1492 году, за год до того, как Колумб открыл Америку. По законам Герцогства Феррарского, которое де-юре никто не отменял, это *моя* территория.

Я сидел в абсолютной темноте, слушая, как снаружи ругаются наемники Сфорца, пытаясь вызвать полицию или подкрепление. Они были заперты снаружи истории. А я был внутри.

Когда дыхание восстановилось, я достал из кармана телефон и включил фонарик. Луч света выхватил из темноты ряды старых винных бочек и пыльные стеллажи. Но меня интересовал не склад.

Я достал свой блокнот и открыл страницу с зарисовками фасада Палаццо-деи-Диаманти. В тусклом свете экрана телефона я посмотрел на свои пометки свежим взглядом. Адrenalин прояснил ум.

Я смотрел на углы скоса мраморных блоков. И вдруг меня осенило. Это была не музыка. И не двоичный код. Это была *перспектива*.

Если наложить карту углов фасада на старую карту Эмили-и-Романги, которую я видел в архиве... Я быстро набросал схему прямо поверх рисунка. Линии сходились. Все восемь тысяч пятьсот блоков были расположены так, чтобы создавать оптическую иллюзию, указывающую на одну конкретную точку, если смотреть на дворец с высоты птичьего полета. Или с колокольни собора.

Точка находилась не в Ферраре. Линии, подобно стрелам, устремлялись на запад. В сторону Модены. Туда, где воздух пах не только историей, но и выдержанным уксусом. Туда, где находился Герцогский дворец.

— Ариосто, ты старый хитрец, — прошептал я, проводя пальцем по бумаге. — Ты спрятал ключ не в самом замке. Ты заставил нас смотреть *мимо* него.

Мой телефон тихо пиликнул. Сообщение от Альфа. Альф: *«Дядя Тассо, ты жив? Белла говорит, что Сфорца отправила за тобой группу захвата. Скажи, что ты в безопасности, или мне вызывать карабинеров?»*

Я улыбнулся, набирая ответ. Мои пальцы, еще недавно дрожавшие от страха, теперь были тверды, как резец скульптора.

Я: «Я в безопасности, Альфонсо. И я знаю, куда нам нужно ехать. Готовь машину. И скажи Белле, чтобы она приготовила свои лучшие наряды. Мы едем в Модену. Нас ждет бал, и мы должны выглядеть безупречно, прежде чем начнем красть их секреты.»

Я погасил фонарик. В темноте подвала я больше не чувствовал себя безобидным городским сумасшедшим. Паранойя — это просто способность видеть скрытые связи там, где другие видят хаос. И прямо сейчас я видел нить, тянущуюся сквозь века, прямо мне в руки.

Тассо сходил с ума в своей камере, потому что мир не был готов к его истине. Но я не сойду с ума. У меня есть Wi-Fi, винтажный велосипед и фамилия, которую не так-то просто стереть.

Я поднялся, отряхнул твидовый пиджак от пыли веков и пошел искать черный выход. Игра началась, и архивариус

вышел на охоту.

Глава 4. Подземелья, неон и поцелуи с привкусом ламбруско

Рассказчик: Лукреция (Люкс) Борджиа-Эсте

Мир состоит не из атомов. И уж точно не из байтов, как любит повторять мой муж. Мир состоит из текстур.

Шершавая, холодная охра осыпающейся штукатурки. Бархатистая тяжесть венецианского шелка, скользящего по коже. Липкая, сладковатая пыль веков, которая оседает на языке, когда вдыхаешь воздух в закрытом крыле замка.

Я шла по коридору восточной башни Каstellо-Эстенсе, держа перед собой не фонарик, а кастомный кольцевой LED-светильник, который сама же и собрала из запчастей для студийной съемки. Его мягкий, настраиваемый свет (сейчас я выставила температуру 3200 Кельвинов — теплый, как закатное солнце Тосканы) выхватывал из темноты фрески, которые не видел никто, кроме крыс и привидений, последние лет триста.

Это крыло было закрыто на реставрацию еще при моем свекре. Денег, как водится, не хватило, и коридор превратился в капсулу времени. Я провела пальцем в перчатке из тончайшей лайки по стене. Под перчаткой я почувствовала вибрацию камня. Замок дышал. Он был старым, уставшим левиафаном, чьи кости скрипели от веса истории и совре-

менных долгов.

Я слышала замки так, как другие люди слышат музыку. У каждого камня была своя нота — низкая и глухая у песчаника, звонкая и обиженная у мрамора, треснутая у кирпичика, который пережил слишком много зим. Кастелло-Эстенсе звучал как орган, у которого половина труб забита пылью столетий. Я вела ладонью по стене и слышала, где кладка здорова, а где под слоем штукатурки прячется пустота, шов, замурованная дверь — фальшивая нота в общей гармонии.

Альф не верил в это. Для него стена была массивом данных: плотность, теплопроводность, коэффициент отражения. Мы спорили об этом годами и оба были правы. Просто он читал стену глазами инженера, а я — кончиками пальцев художницы. А вместе мы читали её целиком.

Мое имя — Лукреция. Да-да, то самое. Мои родители, люди с богатым воображением и полным отсутствием инстинкта самосохранения, решили, что назвать дочь в честь самой скандальной женщины эпохи Возрождения — это отличная идея. «Она будет роковой, Люкс!» — говорили они. В итоге я не отравила ни одного мужа (пока), но зато стала авангардной художницей, чьи инсталляции из переработанного пластика и неона регулярно выставляются на Венецианской биеннале и вызывают у консервативных критиков приступы стенокардии.

Я свернула за угол, и теплый свет моего кольца столкнулся с резким, мертвенно-синим сиянием, пробивающимся из-

под приоткрытой дубовой двери.

Серверная. Или, как называл ее Альф, «святилище».

Я толкнула дверь плечом. Внутри было прохладно, пахло озоном, горячим пластиком и дорогим мужским парфюмом с нотами кедра и нероли. Альфонсо сидел за импровизированным столом, составленным из двух средневековых сундуков и листа закаленного стекла. Его лицо было освещено мониторами, а пальцы летали над механической клавиатурой с таким стуком, будто он выбивал чечетку на гробу врага.

— Ты опять не спишь, — сказала я, опираясь на косяк. — Если ты умрешь от недосыпа, мне придется делать инсталляцию из твоего скелета и оптоволокну. И поверь, Белла это не одобрит. Это не вписывается в ее концепт «элегантного наследия».

Альф вздрогнул, резко обернулся и, увидев меня, выдохнул. Напряжение в его плечах, которое он носил как рыцарские латы, слегка спало. — Люкс. Ты не должна быть здесь. Здесь сыро, и, по словам Тассо, тут обитает призрак инквизитора, который ненавидит женщин в брюках. А на тебе, между прочим, комбинезон.

Я шагнула внутрь, позволяя двери захлопнуться. — Призрак инквизитора просто не разбирается в высокой моде, — я подошла к нему сзади и положила руки ему на плечи. Под тонкой тканью его худи я почувствовала, как напряжены его мышцы. — Что ты нашел, *mio genio*? Твое сообщение было похоже на крик о помощи, написанный бинарным кодом.

Альф откинулся на спинку стула и потер лицо. — Хэш на фреске Астольфа. Это не просто строка данных, Люкс. Это координаты. Но не географические. Это архитектурные координаты *внутри* этого самого замка. Алгоритм указал на точку, которая находится ровно в трех метрах под нами.

Я посмотрела на пол. Обычная каменная кладка, покрытая слоем пыли и антистатическим ковриком, который Альф постелил, чтобы не царапать историческое наследие своими креслами на колесиках. — Под нами? Но там же старые казематы. Там даже Тассо не спускается без бутылки граппы и креста.

— Именно, — Альф встал, его глаза загорелись тем самым огнем, который я так любила. Огнем человека, нашедшего баг в матрице. — Помнишь, как мы познакомились?

Я усмехнулась, скрестив руки на груди. — Как я могла забыть? Ты пришел на мою выставку «Деконструкция тишины», долго смотрел на мою инсталляцию из ржавых шестеренок и сказал: «У этой конструкции ужасная развесовка, она упадет через три дня». И знаешь что? Она упала через два. Прямо на фуршетный стол с тарталетками.

— Я был прав, — Альф улыбнулся, и эта улыбка была такой мальчишеской, что у меня привычно заболело где-то в районе сердца. — Я всегда прав, когда дело касается структур. И этот замок — структура. Предки не могли доверить тайну бумаге. Они встроили ее в фундамент. Смотри.

Он подошел к одной из серверных стоек и легко откатил

ее в сторону. За ней оказалась глухая стена. Но Альф достал из кармана лазерный дальномер и направил его на углы. — Видишь? Геометрия комнаты нарушена. Внешняя стена башни имеет радиус, но эта внутренняя перегородка стоит под прямым углом. Здесь есть пустота. Около полутора метров.

Я подошла ближе, проводя рукой по камню. Мой внутренний радар, отточенный годами работы с холстами и скульптурами, подсказал мне то, что не могли уловить лазеры. — Здесь другой раствор, — прошептала я. — Смотри на швы. В шестнадцатом веке использовали смесь извести и толченого кирпича, она имеет розоватый оттенок. А вот этот квадрат... он замазан более поздним цементом. Скорее всего, в девятнадцатом веке, когда австрийцы использовали замок как тюрьму. Они просто заложили нишу, даже не зная, что внутри.

Альф посмотрел на меня с нескрываемым восхищением. — Ты потрясающая. Я бы вызвал бригаду с отбойными молотками и уничтожил бы фреску на обратной стороне.

— Отбойные молотки — это для варваров и для Сфорца, — я подмигнула ему, доставая из своего безразмерного кармана (дизайнерского, разумеется) тяжелый, кованый молоток и узкое зубило, которые я прихватила из своей мастерской. — Дай мне минуту.

Работа с камнем — это интимный процесс. Ты должен почувствовать его зерно, его усталость. Я приложила зубило к

стыку и несильно ударила. *Тук.* Звук был глухим. Я ударила снова, вбивая сталь в щель. Цемент, пролежавший без движения больше ста лет, не выдержал и крошился.

Альф стоял рядом, светя мне своим смартфоном. В тесном пространстве я чувствовала его тепло, его дыхание на моей шее. Мы были как две половины одного целого: мой хаос и его порядок, моя интуиция и его логика. Я любила его педантичность. Для меня, человека, чья голова всегда была похожа на взорвавшуюся фабрику красок, Альф был идеальным, выверенным холстом. Он давал мне рамку, внутри которой я могла творить что угодно.

Спустя десять минут кусок кладки с противным скрежетом подался вперед и рухнул внутрь, подняв облако вековой пыли. Я закашлялась, отмахиваясь рукой.

Альф направил луч света в темный проем. Ниша была крошечной, размером с письменный стол. И в самом центре, на полуистлевшей бархатной подушке, лежала она.

Лютня.

Я замерла, чувствуя, как перехватывает дыхание. Я видела тысячи старинных инструментов в музеях, за пуленепробиваемыми стеклами, под жестоким светом галогеновых ламп. Но эта... эта была живой.

Я шагнула в нишу, стараясь не дышать. Это была теноровая лютня конца шестнадцатого века. Корпус, собранный из тончайших ребер розового дерева, напоминал панцирь гигантской, изящной черепахи. Дека из ели потемнела от вре-

мени, приобретя цвет крепкого чая. Но что поразило меня больше всего — это розетка (резное отверстие в деке). Это был не просто узор. Это была сложнейшая арабеска, вырезанная с такой математической точностью, что у меня закружилась голова.

— Осторожно, — шепнул Альф, стоя за моей спиной. — Дерево могло рассохнуться. Одно неловкое движение, и она превратится в труху.

— Она не превратится, — возразила я, снимая лайковые перчатки. Кожа к коже. Только так можно чувствовать искусство. — Смотри на лак. Это не обычный шеллак. Это смесь янтаря и... кажется, драконьей крови. Мастера дома Эсте знали толк в консервации.

Я аккуратно, одними кончиками пальцев, коснулась грифа. Дерево было прохладным, но не мертвым. Оно помнило руки музыкантов. Оно помнило *Concerto delle donne* — знаменитый женский ансамбль, который пел для герцогов, сводя с ума послов и шпионов своими голосами и сложнейшими полифоническими пассажами.

Я закрыла глаза и позволила пальцам рассказать мне историю этого дерева. Ель для деки срубили на альпийском склоне, обращённом на север, — там, где солнца мало и годовые кольца ложатся тесно, придавая древесине идеальную резонансную плотность. Мастер сушил её десять лет, прежде чем взять в руки рубанок. Розовое дерево для рёбер корпуса пришло из-за моря, из португальских факторий, вместе с пер-

цем, страхом и рабами. Каждый материал нёс в себе чью-то судьбу.

Инструмент — это застывшее время. Пока он молчит в витрине музея, он мёртв. Но стоит прикоснуться к нему настоящему, без перчаток, кожей, — и пятьсот лет разом обрушиваются тебе на ладони.

— Знаешь, сколько за нее дадут на Sotheby's? — вдруг спросил Альф, и в его голосе проскользнули прагматичные нотки, которые меня всегда забавляли. — Если мы подтвердим провенанс и найдем клеймо мастера... это миллионы, Люкс. Мы могли бы закрыть дыру в бюджете замка на ближайшие пять лет. Просто продав одну деревяшку.

Я медленно обернулась к нему, сужая глаза. — Альфонсо д'Эсте. Ты только что предложил продать голос нашей истории, чтобы оплатить счета за электричество?

— Я предложил рассмотреть все варианты, — он поднял руки в примирительном жесте, но в его глазах плясали чертики. Он любил меня дразнить. — Мы в кризисе. Сфорца наступает. Белла тратит последние деньги на пиар-кампании с чумными докторами. А тут лежит готовый билет в безбедную жизнь.

— Ты циник, — я шагнула к нему, оказавшись вплотную. Запах кедра и озона смешался с запахом старой древесины и моей нишевой парфюмерии. — Эсте не продают свое наследие. Эсте заставляют его работать на себя. Эта лютня здесь не просто так. Ариосто был параноиком, но он был гением.

Он не стал бы прятать в стене просто дорогой музыкальный инструмент. Смотри на колки.

Альф нахмурился и посветил ближе. — Они металлические. А в шестнадцатом веке использовали дерево или кость.

— Именно. И смотри на подставку для струн. Она сдвинута на миллиметр вправо. Это не дефект. Это асимметрия. Намеренная.

Альф замер. Его мозг, этот мощный биологический процессор, начал перебирать варианты. — Механизм?

— Скорее всего, — я улыбнулась, чувствуя азарт. — Помнишь, как Тассо рассказывал, что придворные инженеры Эсте делали игрушки для детей герцога? Автоматоны, поющие птицы, механические львы. Что, если эта лютня — тоже автоматон?

Я вернулась в нишу и взяла лютню. Она была тяжелее, чем казалась. Я положила ее на серверный стол, прямо рядом с мигающими роутерами. Контраст был сюрреалистичным: шедевр ренессансного зодчества на фоне черных пластиковых коробок с антеннами.

— Если это механизм, его нужно завести, — сказал Альф, склоняясь над инструментом. — Но где ключ? Здесь нет отверстий.

— Ключ — это не всегда металл, Альф, — я накрыла его руку своей. Его пальцы были длинными, прохладными, с мозолями от клавиатуры. Мои были теплыми, с пятнами от акриловых красок, которые не отстирываются ничем. — В эпо-

ху Возрождения верили в симпатию вещей. В то, что тепло человеческого тела, пульс, дыхание могут влиять на материю. Алхимия, дорогой мой айтишник.

Я положила его ладонь на деку лютни, а свою положила сверху. — Закрой глаза, — прошептала я. — Люкс, это не научный подход... — Закрой глаза и дыши. Почувствуй ритм.

Он вздохнул, но подчинился. Мы стояли в полумраке серверной, окруженные гулом кулеров, прижав руки к старому дереву. Я чувствовала, как бьется его пульс под моей ладонью. Ровный, спокойный, уверенный. Я подстроила свое дыхание под его. Вдох. Выдох.

Минуту ничего не происходило. Только синий свет мониторов отражался в лаке лютни.

А уже собрался было открыть рот, чтобы отпустить едкий комментарий про то, что алхимия не работает, когда внезапно...

Щелк.

Звук был тихим, как ломающаяся ветка зимой. Внутри корпуса что-то сдвинулось.

Альф резко открыл глаза. — Ты слышал? — Тсс, — я прижала палец к его губам.

Внутри лютни начался какой-то процесс. Это не было похоже на заводную пружину. Это было похоже на то, как просыпается насекомое. Тихое, едва уловимое гудение. Металлические колки, на которые были натянуты старые жильные струны, вдруг начали медленно, с натугой поворачиваться

сами по себе.

Дзынь.

Одна из струн натянулась и издала чистый, звенящий звук. Ля. Идеальное ля первой октавы.

Затем вторая струна. Ми. Третья. Ре.

— Это... это само настраивается? — прошептал Альф, глядя на инструмент так, будто тот нарушал все законы физики, в которые он так свято верил.

— Нет, — я смотрела на розетку, внутри которой вращались крошечные, невидимые ранее шестеренки, выточенные из латуни. — Это не настройка. Это воспроизведение. Внутри стоит цилиндр. Как в музыкальной шкатулке, только вместо иглоков он цепляет сами струны изнутри, заставляя их вибрировать. Тепло наших рук расширило металл или активировало какой-то древний термочувствительный воск... черт возьми, Альф, это гениально!

Лютня заиграла. Это не была мелодия в привычном понимании. Это была последовательность аккордов. Странная, диссонансирующая, ломаная. Она звучала не как песня, а как математическая формула, переведенная в звук. Аккорд. Пауза. Два аккорда. Пауза. Три аккорда.

Звук был объемным, резонирующим с каменными стенами серверной, отражающимся от стоек и возвращающимся к нам эхом. В этой музыке была тоска, была тайна и была безупречная, холодная логика.

Альф уже не смотрел на лютню. Он смотрел на монитор.

— Люкс... — его голос дрогнул от возбуждения. — Смотри на спектральный анализатор.

На экране, где обычно отображались графики нагрузки на сеть, сейчас прыгали зеленые столбики, улавливающие звук через микрофон ноутбука. Но Альф переключил режим на осциллограмму.

Звуковые волны на экране складывались не в хаотичный рисунок. Они складывались в геометрические фигуры. Квадрат. Круг. Треугольник. Снова квадрат.

— Это не просто музыка, — Альф повернулся ко мне, и в его глазах я увидела отражение моего собственного триумфа. — Это аудио-шифр. Полифонический код. Ариосто записал данные в виде частот!

Я рассмеялась, тихо и радостно, и, не выдержав, притянула его к себе за воротник худи, крепко поцеловав. Его губы были теплыми, а на языке остался привкус моего блеска и той самой пыли веков, которая витала в воздухе.

— Видишь? — прошептала я ему на ухо, когда мы оторвались друг от друга. — Никаких Sotheby's. Мы не продаем голос истории. Мы заставляем его петь для нас.

Альф улыбнулся, глядя на лютню, которая продолжала свою странную, прерывистую песню. — Теперь мне нужно записать это в lossless-формате и прогнать через нейросеть, — сказал он, уже возвращаясь в свой мир цифр. — Если это частотный код, ИИ сможет перевести его обратно в текст.

— Только не взорви ей мозг, — я погладила деку инстру-

мента. — У нее душа. И, кажется, она очень соскучилась по слушателям.

Лютня издала финальный, протяжный аккорд, который медленно растаял в гуле серверных кулеров. Механизм внутри щелкнул и замер. Цилиндр сделал полный оборот и остановился.

Я посмотрела на Альфа. Мы стояли в подвале, окруженные серверами и камнями четырнадцатого века, только что взломав сейф, который простоял закрытым пятьсот лет. И я вдруг поняла, что мне совсем не страшно. Ни перед Сфорца, ни перед долгами, ни перед призраками.

Потому что пока у меня есть этот мужчина, его безумные алгоритмы и моя безумная интуиция, дом Эсте не просто выживет. Мы устроим такой ренессанс, что Лоренцо Сфорца подавится своим органическим смузи.

— Записал? — спросила я. — Чисто, как слеза младенца, — Альф похлопал по жесткому диску. — Поехали наверх. Мне нужно много кофе, и мне нужно позвонить Тассо. Кажется, его паранойя начинает приносить дивиденды.

Я взяла его за руку, переплетая пальцы. — Иди. А я пока заверну нашу певицу в бескислотную ткань. Нельзя же оставлять даму голой в серверной.

Альф рассмеялся, и этот смех эхом разнесся по казематам, отпугивая тени и заставляя старый замок просыпаться. Ренессанс действительно обновил прошивку. И, черт возьми, это был лучший апдейт за всю историю.

Глава 5. Полифония, безумие и фальшивые ноты

Рассказчик: Альфонсо (Альф) д'Эсте

Три часа ночи. В серверной пахло горячим пластиком, озоном и едва уловимым ароматом сандала — это Люкс, уходя, оставила на столе свою зажигалку, которой она обычно подпаливала края холстов для эффекта «обугленной истории».

Я сидел перед тремя мониторами, и мои глаза горели так, будто я смотрел прямо в ядро реактора. На центральном экране пульсировала спектрограмма. Зеленые, желтые и красные полосы, изображающие звуковые частоты, выглядели как топографическая карта какого-то инопланетного каньона.

Это была песня лютни. Та самая, которую мы с Люкс «разбудили» теплом своих рук пару часов назад.

Я сделал глоток остывшего эспрессо, поморщился и снова ударил пальцами по клавиатуре. — Ну давай, — прошептал я в пустоту. — Давай, малыш. Съешь это. Перевари. Выплюнь мне текст.

Мой кастомный ИИ-ассистент, которого я в порыве юношеского максимализма назвал *Orlando* (в честь того самого Неистового Орланда), обрабатывал аудиофайл. Я скормил

ему чистейший lossless-запись, разложил ее на частоты, отфильтровал шум кулеров и даже применил алгоритм подавления эха от каменных стен. По всем законам криптографии, если это был частотный шифр, *Orlando* должен был уже выдать мне бинарный код, а затем и ASCII-текст.

Но *Orlando* тупил.

В терминале побежали строки лога: [03:14:22] Analyzing polyphonic structure... [03:14:25] Pattern recognition: 47% match with Fux's Gradus ad Parnassum. [03:14:30] Warning: Anomalous emotional variance detected. [03:14:35] Error: Input data contains non-quantifiable variables.

Я нахмурился и ввел команду принудительного парсинга.
> sudo force_decrypt --mode=brute

Нейросеть задумалась на целых десять секунд. Для современного процессора это была вечность. Наконец, на экране появился результат. Но это был не текст. И не координаты.

[RESULT]: "Слишком много человеческой боли. Невозможно конвертировать в цифровой эквивалент. Рекомендация: обратиться к психотерапевту или выпить вина."

Я откинулся на спинку кресла и уставился в монитор. — Ты издеваешься надо мной? — спросил я у машины. — Ты языковая модель, обученная на всем корпусе человеческих знаний от шумерских табличек до твитов Илона Маска. Какая, к черту, «человеческая боль» в последовательности аккордов шестнадцатого века?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.